

Идея меритократии: нерушимые чары Платона

М. С. Кальней

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Рассматривается идея меритократии (буквально: власти, основанной на заслугах) и противоречия, связанные с ее реализацией. Проводится исторический анализ концепций власти интеллектуальной элиты от Платона до теорий постиндустриального общества. Выделяется ряд утопических сторон меритократии. Сравнительный анализ различных теорий духовной власти показывает, что основным противоречием концепции меритократии является вопрос о подконтрольности правящей элиты обществу.

Ключевые слова: меритократия; духовная элита; бюрократия; тоталитаризм; общество; большинство.

Одну из существенных проблем управления составляет обоснование права на власть. В философской мысли значительное место занимала идея меритократии — власти духовной элиты. Распространено представление о том, что такой вид власти является наиболее справедливым из всех возможных, так как духовная элита, обладая наивысшим знанием основных принципов бытия, сможет наилучшим образом организовать общество. При этом она как носитель высших морально-нравственных качеств будет свободна от корыстных мотивов в управлении.

Обращает на себя внимание то, что идея меритократии не находила применения на практике, хотя в различные периоды истории функции правящих элит включали в себя не только политическое главенство и экономическое управление, но также и лидерство в духовной сфере. Последнее, однако, далеко не исключало множества несовершенств в практике управления. Как правило, это объяснялось характером формирования элиты. Нередко предполагалось, что общество было недостаточно развито для принятия власти, основанной на праве интеллектуального и нравственного превосходства. Тем не менее следует рассмотреть возможные противоречия в самой идее меритократии.

Не будет преувеличением утверждать, что она восходит к общественно-политической концепции Платона. Общеизвестно, что, по мнению Платона, в идеальном государстве власть должна принадлежать философам. В обоснование этого в диалоге «Государство» приводится миф о пещере, где люди уподобляются узникам, способным воспринимать только тени предметов, тогда как один из них оказывается в состоянии получить свободу и узнать истину об окружающем мире. В мифе ярко выражено противопоставление лица, знающего истину, большинству, принимающему за истину искаженное знание (тени вещей вместо них самих). Афинской демократии, основанной на мнении непросвещенного большинства, Платон противопоставлял власть философов, данную им на том основании, что они владеют истинным знанием вещей [1, с. 194—195, 206—207]. Таким образом, понимание

© Кальней М. С.

основных законов устройства мира, критериев истины, духовно-нравственных норм дает право на власть меньшинству, неподвластному контролю со стороны большинства.

Аврелий Августин, интерпретируя идеи Платона в соответствии с христианским вероучением, обосновывал идею господства церкви и ее неподконтрольности никакой земной власти [2, с. 1038—1039]. В эпоху Возрождения общественно-политические идеи Платона получили развитие в классических утопиях. Широко известен утопический трактат Т. Кампанеллы «Город Солнца», где несовершенству монархической, аристократической власти, противопоставляется идеальное государство, в котором вся власть принадлежит не наследственному монарху, а пожизненно избираемому правителю-философу, также являющемуся верховным служителем государственного культа [3, с. 137, 145—146].

В дальнейшем концепции общественного договора подчеркивали важность подконтрольности политической власти гражданскому обществу. Под их влиянием сложился конструкт современной демократии, основанной на равенстве избирательных прав для всех граждан и отделении политической власти от духовной. Дальнейшее развитие демократии шло в направлении расширения круга лиц, охваченных избирательным правом. Таким образом, казалось бы, утвердился конструкт политической власти, основанной на мнении большинства или консенсусе крупнейших социальных групп.

Главным залогом сохранения такой власти считалась идеология либерализма как основа открытого общества, базирующегося на конкуренции индивидов, приоритете индивида над обществом и рационально-критическом подходе к законам. Именно эти принципы построения общества считались защитой от тоталитаризма. Однако политические процессы последних лет указывают на кризисное состояние демократических институтов. В частности, одной из существенных геополитических тенденций последних лет является возрастающее неприятие «евробюрократии» в странах Евросоюза, доходящее до выражения отдельными государствами намерений выйти из состава данного образования. Эти процессы служат показателем необходимости исследовать противоречия сложившейся политической системы.

Бюрократический способ управления пришел на смену феодально-аристократическому. Макс Вебер противопоставлял аристократическому типу господства, основанному на личных связях, бюрократический, который он считал наиболее эффективным в силу того, что управленец отделен от своей должности и назначается на нее по результатам квалификационного отбора. Таким образом, бюрократический тип господства Вебер определял как основанный на знании, а потому оптимальный [4, с. 23].

Как ни парадоксально, здесь прослеживается определенная аналогия с взглядами Платона, Августина и утопистов. В общественно-политических концепциях Платона центральное место занимала идея власти духовной элиты, обладающей единственным достоверным знанием сущности всех вещей и лишенной собственности как источника корыстных интересов. Похожим образом Августин обосновывал власть Града Небесного (церкви) как сообщества, не связанного никаким земным имуществом и владеющего истинным знанием о мире и человеке. Отсутствие корыстных мотивов ввиду неимения собственности и знание высшей истины дают право на власть. Подобное же обоснование власти философов дано и в утопиях эпохи Возрождения.

Аналогично, власть бюрократии по Веберу основана на отсутствии возможности использовать полномочия в личных интересах (ввиду отделения управленца от своей должности) и обладании знанием о принципах управления. При этом

Вебер склонялся к позитивистской парадигме, отрицающей познаваемость действительной сущности предметов и сводящей знание к набору практических навыков. Тем не менее он тоже выделял группу интеллектуальной элиты, которой доверено господство над обществом, причем источником этого служит назначение, а не избрание. Иными словами, приобретение власти оказывается непосредственно не связанным с волеизъявлением большинства. Однако сосредоточение власти в руках группы, неподконтрольной гражданскому обществу, считается одним из признаков тоталитаризма.

Реальный исторический опыт показал, что бюрократическая система часто оказывается непроизводительной и благоприятствует коррупции. Подтверждением тому служит общее мнение о советской командно-административной системе как синониме неэффективности и коррумпированности.

Но опыт свидетельствует и о том, что либеральная система также не противоречит нарастанию бюрократических тенденций. Элвин Тоффлер указывает, что индустриальная эпоха привела к власти особую группу лиц, занятую координацией деятельности различных сфер общества, — управленцев-технократов [5, с. 118]. При этом сохраняется возможность выхода структур управления из-под контроля гражданского общества. Она связана с тем, что «президенты и премьер-министры стали считать себя в первую очередь менеджерами, а уж потом общественными и политическими деятелями [5, с. 124]. Иными словами, фактор неподконтрольности мнению большинства через голосование становится второстепенным.

Изначально либерализм в более или менее явной форме содержал в себе идею меритократии — власти интеллектуальной элиты. Заметим, что распространение всеобщего избирательного права сопровождалось расширением политтехнологий, формировавших мнение избирателей, причем обращения к иррациональным, нередко сомнительным с этической точки зрения мотивам в них скорее правило, чем исключение. Иными словами, широкие массы являются субъектом политической деятельности лишь на словах, по сути будучи объектом воздействия на сознание [6, с. 218, 238]. Эта тенденция может привести к превращению демократических выборов как основного способа контроля общества над властью в фикцию.

В связи с этим широко распространились представления о том, что действующая система политической власти изжила себя и требует замены более соответствующей реалиям постиндустриального общества. Тоффлер обосновывает противоречие демократии как власти большинства демассифицированному постиндустриальному обществу [5, с. 659—672].

Либеральный экономист В. Л. Иноземцев рассматривает переход постиндустриального общества к социальной структуре, состоящей из интеллектуальной элиты (управленцев) и работников-исполнителей. Он полагает, что данное общество можно считать и предельно справедливым, так как положение индивида будет определяться не случайными факторами, такими как происхождение или экономический успех (в котором закономерность и случайность сочетаются), а личными способностями индивида, его умением усваивать и использовать знания.

Вместе с тем, отмечает Иноземцев, случайные факторы социальной мобильности в доиндустриальную и индустриальную эпоху способствовали открытости социальных элит, тогда как для постиндустриального общества, по его мнению, вертикальная социальная мобильность будет ограничена невозможностью личности ни приобрести, ни утратить с течением жизни свои способности к получению и использованию знания и творческую одаренность [5, С. 87—94]. Как видно, здесь вновь проявляется та же восходящая к Платону тенденция: выделение обладающей властью интеллектуальной элиты, стоящей над мнением непросвещенного большинства. Столь же

показательно и то, что Иноземцев рассматривает меритократию постиндустриального общества как мотивируемую «постэкономическими» потребностями в накоплении знаний и самореализации, превалирующими над материальными [8, с. 13].

Казалось бы, рассмотренные концепции предлагают наиболее справедливый тип общественного устройства, при котором право управления обществом будет обусловлено не правом рождения или материальной обеспеченностью, а интеллектуальными способностями и отсутствием корыстных мотивов. Однако указанные факторы вновь отсылают к общественно-политической концепции Платона. Карл Поппер предупреждает об опасности «чар Платона», заключающихся в выделении группы, не связанной жестко с традицией, свободной от предубеждений и единственно способной на объективность [9, с. 395]: на практике оно оборачивается тоталитаризмом.

Тоталитарные тенденции в общественно-политических концепциях Платона не раз подвергались социально-философскому анализу. Общеизвестен антидемократический характер подавления и контроля личности в эпоху господства католической церкви. Неоднократно отмечались авторитарные стороны классических утопий Возрождения [10; 11]. Бюрократическое управление, неподконтрольное обществу, стало одной из основ советской тоталитарной системы. Заметим, что идея главенства интеллектуальной элиты в постиндустриальном обществе выводит власть из-под контроля большинства.

Таким образом, основным противоречием идеи меритократии следует считать не готовность или неготовность общества к принятию господства интеллектуальной элиты, оно состоит скорее в степени ее подконтрольности большинству. Претензии элиты на обладание окончательным знанием истины и противопоставление себя остальным гражданам демонстрируют явно выраженную утопическую тенденцию, что и служит одним из объяснений неосуществимости идеи меритократии.

Литература

1. Платон. Государство // Собрание сочинений: в 4 т. / Платон. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79—420.
2. Августин Блаженный Аврелий. О граде Божием. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 1296 с.
3. Кампанелла Т. Город Солнца: Пер. с лат. // Зарубежная фантастическая проза прошлых веков: Социальные утопии. М.: Правда, 1989. С. 133—189.
4. Вебер М. Хозяйство и общество. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 360 с.
5. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 781 с. (Philosophy).
6. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 253 с.
7. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. 302 с.
8. Иноземцев В. Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической ретроспективе // Вопросы философии. 2000. № 12. С. 3—13.
9. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона; Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Киев: Ника-Центр, 2005. 800 с. (Сдвиг парадигмы; вып. 3).
10. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит.: Пер. с разн. яз. / Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. 405 с.
11. Штена В. В. Ритопия. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2004. 376 с.

Кальней Марина Сергеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ. E-mail: skalney@yandex.ru